

СТАЛИНГРАДСКАЯ МЯСОРУБКА

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

Владимир
ПЕРШАНИН

Владимир Першанин

**Сталинградская мясорубка.
«Погибаю, но не сдаюсь!»**

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

Сталинградская мясорубка. «Погибаю, но не сдаюсь!» /
В. Н. Першанин — «Яуза», 2012

«Ни шагу назад!» – этот беспощадный приказ стал лейтмотивом Сталинградской битвы. «За Волгой для нас земли нет!» – с этой клятвой Красная Армия выстояла под ударами Вермахта, переломив ход Великой Отечественной войны. «Погибаю, но не сдаюсь!» – писали бойцы на стенах разрушенных выгоревших домов, превращенных в неприступные крепости. Пехотинцы и десантники, саперы и зенитчики, бронебойщики, ценой собственной жизни выбивавшие немецкие танки, и танкисты, много раз горевшие в подбитых «тридцатьчетверках», – в этой книге собраны воспоминания фронтовиков, выживших в СТАЛИНГРАДСКОЙ МЯСОРУБКЕ, чтобы рассказать «окопную правду» о решающем сражении Второй Мировой.

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

От автора	5
Командир танкового взвода	6
Лейтенант медицинской службы	20
Полковник Туров – на фронте с сорок первого по сорок пятый	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Першанин

Сталинградская мясорубка.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

От автора

Я живу в Волгограде с 1957 года, приехал сюда еще мальчишкой, когда отца-офицера перевели к очередному месту службы.

Это далеко не первая моя книга о Великой Отечественной войне. Но составить сборник о защитниках Сталинграда оказалось нелегким делом. Слишком жестокие бои шли здесь, и после Сталинграда война длилась еще два года. С помощью заместителя председателя Совета ветеранов войны Красноармейского района Волгограда Тамары Петровны Васильевой я встретился с участниками боев за Сталинград, которых сумели разыскать. Очень мало их осталось.

Большое спасибо полковнику в отставке Турову Владимиру Семеновичу, который возглавляет городскую общественную организацию «Клуб защитников Сталинграда». Туров В.С. прошел Отечественную войну с 1941 по 1945 год.

Так родилась эта документальная книга о пехотинцах, танкистах, саперах, медсестрах, воевавших под Сталинградом. Низкий им всем поклон.

Командир танкового взвода

Я видел снаряд, который поджег наш танк. Раскаленная болванка пробила башню, кувыркнулась перед глазами и, отприкошетив от брони, свалилась на поддон. Задымилась и вспыхнула солярка. Я тицетно бился о верхний, заклинивший от удара люк...

Журавлев А. Ф.

Журавлев Александр Федорович, несмотря на преклонные годы, не потерял былой живости и чувства юмора, хотя говорили мы с ним о вещах серьезных, трагических. Он один из немногих танкистов, встретивших немцев в июле сорок второго на подступах к Сталинграду. Там, где бригады и роты дрались до последней машины.

Вот его рассказ о тех днях и жизненном пути.

Я родился 9 декабря 1918 года в городе Харбин, в Китае. Мой отец, Федор Николаевич, работал на знаменитой КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге), которая после революции отошла к Китаю.

Так наша семья оказалась на чужой стороне. В 1927 году отец добился выдачи визы на возвращение в Россию. Если бы знал, что нас там ждет, наверное, ни за что из Китая не уехали.

Детей в семье было двое, старший сын Женя, 1916 года, и я. Приехали мы в город Горький (ныне Нижний Новгород), где проживала родня. Отец устроился на железную дорогу помощником машиниста. Жизнь понемногу налаживалась, получили вскоре комнату в коммунальной квартире. Женя после школы устроился на станкостроительный завод. Я, закончив десятилетку, поступил в 1934 году в Горьковский институт инженеров водного транспорта. Но в октябре 1937 года все неожиданно перевернулось. Начались политические процессы над врагами народа. Копнули Дальний Восток. Расстреляли Блюхера, Уборевича, Якира и еще кого-то из дальневосточных военачальников. Под эту железную метлу попал и мой отец.

Представить не могу, к каким шпионским делам мог иметь отношение простой помощник машиниста. Отца арестовали и дали 10 лет без права переписки. Расстрел! В чем его обвиняли, не знаем. Наверное, в связи с японской разведкой или дружбе с опальными генералами. Забегая вперед, скажу, в 1957 году получили мы четвертушку бумаги, с подписями и печатями.

Ничего не объясняя, без малейшей доли вины (бумаги не хватило!), нам сообщили, что приговор 1937 года отменен, а гражданин Журавлев Федор Николаевич посмертно реабилитирован. Ну, спасибо властям и за это! А за что отец погиб и что мы все пережили – никого не интересовало.

После ареста отца нас в один день выкинули из квартиры. Теперь мы считались членами семьи врага народа (ЧСВН). Помню, погрузили на санки сундучок с барахлом и посудой, кое-что в руках несли. Куда деваться? Кто-то из знакомых, работавших на кладбище, предоставил нам сарай. Земляной пол, холодина, лопаты, веревки – хоть сам вешайся. Прожили в кладбищенском сарае четыре дня, потом пришли немного в себя, стали устраиваться. Мы с братом какое-то время в общежитиях ночевали, стараясь коменданту на глаза не попасться, а маму приютила родственница.

В институте ко мне отношение резко изменилось. Даже дружок мой, Гоша Антипов, стал сторониться: «Слушай, иди от меня!» Боялся, что обвинят в дружбе с ЧСВН. Хотя учился я неплохо, но экзамены на зимней сессии по два раза сдавал, чего со мной раньше не случалось.

Преподаватель Шапиро поставил мне «отлично» на экзамене по технологии металла. Его потом задержали: «Сыну врага народа помогаешь! Хочешь, чтобы он стипендию от государства получал? Пусть работает». Я и так работал. Разгружал дрова на баржах. Кто с этим делом знаком, знает, как из трюма тяжеленные, мокрые (или обледеневшие) бревна по трапу на берег таскать. Работал вечером и ночью. Когда домой шел, ноги подгибались. А куда деваться? Есть-то надо и за квартиру платить.

Спустя какое-то время я из института ушел. Угнетала обстановка и больно задевало отношение прежних товарищей. Ближе к сороковому году восстановился. Тогда эта свистопляска с врагами народа поутихла, и меня снова приняли в институт.

Война для многих стала неожиданностью. Открытых разговоров не велось, но немало людей в институтской среде внимательно следили за обстановкой на западных границах. Они скептически воспринимали договор о ненападении. Гитлер оккупировал почти всю Европу. Около двух лет, хотя об этом мало писали, Великобритания вела с нацистами войну.

Огромная немецкая армия, сосредоточенная у границ СССР, не могла ввести думающих людей в заблуждение. Но все делали вид, что ничего особенного не происходит. Считаю, что обстановка ненужной скрытности, вынужденное молчание военных специалистов сыграли в 1941 году свою роковую роль. Беженцы из Западной Украины, Белоруссии прямо говорили: «Чего вы ждете? Гитлер вот-вот развяжет с вами войну».

Поэтому речь Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз для меня не была такой уж неожиданностью. Я хотел и готов был воевать, чтобы оправдать честное имя отца и доказать, что не хуже других буду защищать Родину.

В июле 1941 года весь наш четвертый курс подал заявление с просьбой направить добровольцами на фронт. Я попал в группу, которую зачислили на Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. К командному составу я не относился, но в институте занимался на военной кафедре и кое-какие первичные познания имел. Наверху решили, что как будущие инженеры мы успешно овладеем бронетехникой и станем командирами танковых взводов, которых на фронте не хватало.

Красивый город – Ленинград. Город-памятник. И учебная база на курсах была солидная. Я гордился, что учусь здесь. Но положение на фронтах быстро менялось не в нашу пользу. В начале сентября немцы овладели подступами к городу, нависла опасность блокады. Наши курсы были срочно эвакуированы на Урал, в Магнитогорск.

Здесь я учился до апреля 1942 года. За неполные 7 месяцев неплохо постиг теорию. Преподаватели были сильные. Мы изучили танки Т-26, БТ-7, «тридцатьчетверки», бронемашин. В начале сорок второго года пришли английские танки «Матильда» и «Валентайн».

На импортных машинах я не воевал. Но и отзывать о них пренебрежительно не буду, как это считалось модно во многих книгах. У английских танков была сильная броня, гидравлический поворот башни, неплохие прицелы. Скорость уступала нашим машинам и составляла километров тридцать в час. «Тридцатьчетверка» их, конечно, превосходила.

Курс нашей учебы состоял в основном из теоретических занятий. Вождение машин было ограничено, а боевые стрельбы из орудий не проводились ни разу. Нам объясняли так: «Снарядов нет. Все идет на фронт». Правда, технику прицеливания, заряжания в нас вдолбили неплохо.

В окрестностях Магнитогорска с нами проводили тактические занятия на горах Медная и Благодать. Учились «пешим по-танковому», то есть бегущий экипаж считался вроде как наступающим танком. Много ли было толку от такой беготни, судить не берусь. Но требования командиров выполняли добросовестно, делая «маневры», нанося удары в лоб и с флангов. С азартом учились.

Может, кому-то покажется смешно, но имелась у нас скамейка-тренажер. Садись на нее верхом, позади – коробка передач. И вот мы до автоматизма изучали переключение скоро-

стей, повороты, ускорение хода, резкие остановки. Считаю, что это в какой-то степени компенсировало практическое вождение. Позже, на боевых машинах, мы довольно быстро освоили вождение. Хотя командиры танков и взводов редко садятся за рычаги. Для этого есть механики-водители.

В конце апреля я окончил курсы и в звании младшего лейтенанта выехал с группой командиров в город Горький получать танки. Там мы застряли. «Тридцатьчетверки», предназначенные для нас, были собраны, но не хватало 76-миллиметровых орудий и прицелов.

В Горьком эти орудия не выпускали, зато изготавливались 45-миллиметровые противотанковые пушки. За план спрашивали из Москвы строго, и на некоторые «тридцатьчетверки» поставили пушки калибра 45 миллиметров. Конечно, менее мощные, чем положенные «трехдюймовки». Кроме того, к ним не было прицелов. Многие ребята от таких танков отказывались, хотя нас убеждали, что пушки хорошие, а прицелы мы получим «на месте». На каком месте – неясно. Шел июнь сорок второго, на фронтах творилось черт знает что.

Во второй половине мая закончилась трагическая для Красной Армии попытка наступления на Харьков. Маршал Тимошенко и Хрущев переоценили свои силы, наделали ошибок, и мы потеряли в окружении 200 тысяч солдат и командиров. А может, и больше. Кто их там считал, погибших в степи и попавших в плен.

Немцы наступали. Отсиживаться и ждать прицелы или танки с 76-миллиметровыми пушками было некогда. Кроме того, на мне висело клеймо члена семьи врага народа. Удивляюсь, как на Ленинградские курсы попал! Посижу подольше – обвинят в трусости. В общем, получили мы 15 танков, часть с «сорокапятками», часть – с положенными по штату «трехдюймовками».

Эти дни в Горьком позволили провести мне какое-то время дома, с братом и мамой. Редкое везение, что танки получал в своем родном городе и повидал семью. Когда провожали до эшелона, брат Женя отозвал меня в сторону и прошептал на ухо:

– Шура, только не попадай в плен. Маму и меня тогда точно угробят. Сам знаешь, как к нам относятся. Члены семьи врага народа.

Позже, на фронте, я носил в брючном кармане-пистончике один патрон для нагана. В плен сдаваться был не намерен.

Погрузились в эшелон. Обнялись и поцеловались на прощание с мамой. Слезы, причитания. Сколько уже похоронок на друзей и соседей пришло! Береги себя, Шура! Конечно, мама! Через полчаса остался позади Горький. Ехали на юго-восток.

Чтобы понять, какая обстановка складывалась на подступах к Дону (а значит, к Сталинграду), нам приказали снять с танков брезенты, и гнали мы до станции Морозовская Ростовской области открыто, на платформах. Как нам объяснили, этот рискованный шаг предприняли, чтобы показать: на помощь нашим войскам перебрасываются танки.

И еще такой эпизод. По дороге в Морозовскую я ночью дежурил по эшелону, обходил платформы и вагоны. Танков как было 15, так и осталось, зато везли много лошадей. В танковой бригаде по штату должно быть минимум с полсотни танков, а здесь – сплошные лошади. Какой-то офицер мне объяснил, что нет времени ждать получения дополнительных танков. Вместо них выделяют противотанковые орудия. А пока вот дали лошадей.

Возле станции Морозовская формировалась 40-я танковая бригада, куда я был зачислен командиром танкового взвода. Танковая бригада – подразделение серьезное. Кроме трех танковых батальонов имелись артиллерия, минометы, пехотный батальон, даже зенитное прикрытие. Какие подразделения были в нашей бригаде – не знаю, потому, что все 15 танков сразу разделили на взводы и группы и направили на передовую.

Хоть батальоном, хоть ротой эти 15 машин назови, а надо преграждать немцам путь к Сталинграду. Действовали мы на левом берегу Дона, между городком Суровикино и станцией Клетской, где снимался известный фильм Бондарчука «Они сражались за Родину».

Пятнадцатого-шестнадцатого июля недалеко от хутора Добринка мой взвод попал под бомбежку. Немецких самолетов было три или четыре. Сбросили несколько тяжелых стокилограммовок и сколько-то бомб помельче. Тяжелые фугасы подняли вверх огромные столбы земли. Мы почувствовали, как вздрагивает земля. Потом на месте взрывов долго клубилось облако пыли и дыма. Мелкие бомбы взрывались то ближе, то дальше, но прямых попаданий не было.

Боялся ли я? Конечно. К бомбежкам, по-моему, вообще невозможно привыкнуть. Двигаешься мимо пятиметровой воронки, земля в степи прокаленная, твердая, как камень, а фугас такую яму вырыл! От танка одни бы железяки остались, а про нас и говорить нечего.

Семнадцатого июля образовался Сталинградский фронт, и в этот же день мы приняли свой первый бой. Получилось неожиданно. Двигались по низине и вдруг увидели три немецких бронетранспортера. Длинный капот, десантный отсек, колеса и позади гусеницы. Мы ударили бронебойными снарядами, попали или нет – непонятно, а бронетранспортеры, стреляя из пулеметов, попытались круто развернуться. Вступать с нами в бой означало для них верную смерть.

– Гони! – крикнул я механику-водителю Мельникову.

Налетели разом. У «тридцатьчетверки» масса под тридцать тонн, а у бронетранспортеров всего шесть или восемь. Удар, под гусеницами заскрежетало железо. Тонкий десантный кузов и капот сразу подмялись. «Тридцатьчетверка», разрывая гусеницами и плюща немецкую машину вместе с экипажем, перевалила через обломки и крутанулась, вмяная их в землю.

Не знаю, кричал кто или сразу накрылись экипажи. Я высунулся из люка, остановились два других танка. Подошли к размолотым бронетранспортерам. Большинство из нас первый раз врага убивали. У меня в экипаже, кроме пушки и пулемета, ни у кого не было пистолетов или наганов.

Глядели мы на сплюснутые железом лохмотья, кровь. Может, и трофеи какие достались бы. Пистолеты или автоматы. Но никто не полез шарить, что-то искать. Не так легко убивать людей, пусть даже фашистов! Я приказал заводить машины и двигаться дальше.

Немцы в тот день не попадались. К вечеру вернулись в Добринку. Весь следующий день ремонтировали, приводили в порядок танки. Ударили мы по немецким бронетранспортерам крепко, были частично повреждены гусеницы, ослабили крепления. К сожалению, я почти не запомнил фамилий ребят из взвода, даже командиров машин. Не так и долго участвовал в боях.

Экипаж моего танка был, как говорится, интернациональным. Механик-водитель Мельников – украинец. Было ему лет двадцать пять, машину он водил хорошо, разбирался в технике. Заряжающий, или башнер, – азербайджанец, стрелок-радист – кавказец, мингрел. Экипаж сработался быстро, ребята веселые, и вспоминаю их добрым словом.

В Добринке уже находились кое-какие части. Пришло еще несколько танков и хозяйственники из нашей бригады. Старшина накормил нас кашей с мясом, хлебом, селедкой, хотя мы не голодали. Скот эвакуировали, и директор совхоза «Первомайский» еще с вечера подарил нам бычка.

Вообще, казаки в местных хуторах встречали хорошо. В то же время упрекали, особенно старики, как мы допустили немцев так глубоко в Россию. Что мы могли ответить? Да они и не ждали ответа, все сами понимали. Видели наши танки с вмятинами от осколков, погнутыми подкрылками. Значит, воевали мужики.

Продолжали налетать «Мессершмитты» и «Юнкерсы». Небольшими группами, по 2–3 самолета. Сбрасывали несколько бомб, обстреливали нас из пушек и пулеметов. Появились раненые и убитые. В нашем взводе потерь пока не было.

Мы в основном были молодые, верили в победу, но скажу, что настроение у многих было подавленное. Немецкая авиация висела над головой, и ни одного нашего самолета! Но ведь сейчас не сорок первый год, фрицам дали хорошего пинка под Москвой, а мы снова отступаем. Километров сорок осталось до Дона и сотня с небольшим до Сталинграда.

Подвезли снаряды, горючее. Погрузка и продолжавшийся ремонт отвлекали от дурных мыслей.

Девятнадцатого июля нас подняли рано и сообщили, что немцы прорвались к Верхней Бузиновке. К месту прорыва срочно бросили все танки, которые могли собрать. Нам также выделили десантников из Орджоникидзевского военного училища.

Шли на скорости по пыльным степным дорогам с заряженными танковыми орудиями. У нас было задание ударить во фланг. Обойдя небольшой холм, мы увидели 5–6 короткоствольных немецких танков Т-3. К тому времени фрицы уже усовершенствовали часть этих «панцеров», усилили броню.

Нас было 8–9 танков, половина из них с 45-миллиметровками без прицелов. Используя численное преимущество, мы сразу пошли в атаку. Мой заряжающий едва успевал вбрасывать в казенник бронебойные снаряды. Большинство из нас не обладало опытом встречного танкового боя. И про стрельбу с коротких остановок забывали. Но решительности и злости хватало. Это вам, сволочи, не бомбежка с высоты, когда нам оставалось только прятаться!

Десант наш спрыгнул при первых же выстрелах. Я вел огонь через панораму ПТК-1. Танк, в который я целился, оставался невредимым. Тогда я приказал остановиться. Расстояние было небольшое, и после трех снарядов подряд немец задымил. Впрочем, не буду приписывать этого «панцера» своему экипажу. Вели беглый огонь все остальные машины.

Этот близкий ожесточенный бой закончился в нашу пользу. Дымили три немецких танка, остальные отступали. Чей-то снаряд (не иначе трехдюймовый) ударил в одну из немецких машин с такой силой, что, кувыркаясь, полетел прочь оторванный боковой люк. Машина крунулась и, получив еще один снаряд, загорелась.

Немецкая пехота,двигающаяся следом, отступала. Мы увидели группу прямо перед собой и выпустили подряд несколько осколочных снарядов. Один раз приложились хорошо, свалились сразу два или три фрица. Но снаряды у нас кончались, и преследовать пехоту мы не рискнули.

Четыре немецких танка не то чтобы горели, а тлели, словно резина. Не знаю почему, но снаряды в них не сдетонировали. Не обращая внимания на дым, я полез в один из танков искать прицел. Прицел я нашел, даже сумел быстро его снять, но, как позже выяснилось, для наших орудий он не годился.

Вокруг машин лежали тела немецких танкистов в темных комбинезонах и небольших металлических шлемах. Почти никто из экипажа уйти не успел. Часть осталась в дымящихся танках, остальных славяне перебили из пулеметов. Бой шел на небольшой дистанции, и спастись на открытом поле было трудно. Кроме танкистов, насчитали десятка три убитых пехотинцев.

Я подошел к одному из них. Молодой парень, лет 18–20, такой же, как и мы. Осмотрели немецкие танки. С удовлетворением убедились, что не только «трехдюймовки», но и наши «сорокапятки» пробивали их броню. Впрочем, толщина ее оказалась небольшая, 20–30 миллиметров. Измолотили мы фрицев хорошо, на каждом танке по несколько пробоин.

Наши «тридцатьчетверки» оказались прочнее. Две машины были подбиты, но не сгорели. Их спешно ремонтировали. Погибли от осколков два танкиста. Броня Т-34 была хрупкая, и при сильном ударе разлетались мелкие осколки. Несколько человек получили ранения и контузии.

Мы чувствовали себя победителями. Вернулись на пункт сбора в Верхнюю Бузиновку, а большинство домов там догорают. Помню, уцелела каменная школа, в которой разместился медсанбат. Сюда стягивались части 166-й танковой бригады, подошла артиллерия, пехота, в том числе батальон курсантов из Орджоникидзе. Многие, как и мы, недавно из боя. Оживленно рассказывали эпизоды, показывали друг другу трофейное оружие. Легкораненые после перевязки оставались в строю.

Некоторые не верили, что наша неполная рота сожгла четыре немецких танка. Это подтверждали десантники и другие бойцы, видевшие бой. К нам подошел один из командиров с адъютантом.

- Вы из какой бригады? – спросил он.
- Из сороковой.
- Действительно, четыре танка уничтожили?
- Точно, – заверили мы.
- Ну, молодцы, ребята. Значит, можно фрицев бить?
- Еще как можно!
- Приведите себя в порядок, заправляйте машины. Обед повара уже сварили.

Я не хочу хвалиться теми небольшими удачами, которые достигали наши части. Все же немцы наступали по всему фронту и далеко не везде получали такой отпор. Слишком неравные были силы. Но скажу одно: наши бригады, полки, даже отдельные роты в боях за Доном, на дальних подступах к Сталинграду, не дали Паулюсу победным маршем войти в Сталинград.

Теряя где четыре, а где и десяток танков, истощая в атаках моторизованные части и пехоту, наступление в Придонских степях замедлилось. Здесь я впервые услышал слова «слоеный пирог». На одних участках фрицы прорывались вперед, а позади упорно держали высоты или отдельные хутора наши войска.

Подходило подкрепление, не прекращались бои, и далеко не всегда верх удавалось держать немецким частям. Они выйдут к Волге 23 августа, то есть немцам придется еще месяц драться с нами, чтобы пройти 100 километров, а потом навсегда завязнуть в Сталинграде.

Такая была обстановка. Я терпеть не мог хвастливых статей в наших газетах, где говорилось, что немцев уничтожали легко и без счета. Но могу сказать как очевидец, участник боев на подступах к Сталинграду, что в степи за Доном мы снова сумели заstopорить ход фашистской машины. К Волге армия Паулюса выйдет, неся ощутимые потери.

Если дела идут более-менее успешно, то всегда найдется командир. Наших восемь-девять танков единого командира не имели. В спешке не успели назначить. Но мы, три младших лейтенанта, друг с другом ладили и в начальство не рвались. Как говорится, каждый знал свой маневр, дрались решительно, поэтому и уничтожили четыре танка и около взвода немецкой пехоты. Кстати, нас обещали представить к орденам, переписали фамилии. Свой орден Красной Звезды я получаю в 1951 году.

Итак, о новом командире. Фамилия его была Удалов. Политрук по званию (три медных кубика на петлицах), звезда на рукаве. Он прикатил к нам на мотоцикле, представился батальонным комиссаром и сообщил, что ему поручено взять команду над нашей ротой. Удалову было лет тридцать, по званию он являлся старшим, и мы, выполняя устав, подчинились. В принципе, командир хоть и не из боевых, он оказался расторопным. Обеспечил подвоз снарядов, горючего, питание танкистов и десантников.

Но для меня появление Удалова стало неприятной неожиданностью. Он занимал какую-то должность в училище, знал, что мой отец расстрелян как враг народа, и относился ко мне

враждебно. Его появление едва не стоило мне жизни, хотя первые дни ничем своего отношения не показывал.

Мы занимались ремонтом техники, вели разведку группами по 2–3 танка. Не хватало горючего, снаряды тоже получали по счету. Нам приказали вырыть для танков капониры, чтобы в случае нужды использовать их как долговременные огневые точки.

Донская земля в конце июля стала твердой, как камень. Лопаты гнулись, а из-под лома летели искры. Меняясь, кое-как вырыли два капонира. Воду нам таскали сельские ребята. Жара, сухая пыль, пили ведрами холодную родниковую воду. Умотались до того, что решили – хватит двух капониров! Тем более нас часто посылали в разведку.

Двадцать второго и двадцать третьего июля произошло сразу несколько событий. К нам присоединилась часть нашей родной 40-й бригады, воевавшей на другом участке: пехотная рота, несколько пушек, обоз и помпотех бригады капитан Резник, деловой и грамотный командир.

Он сразу осмотрел наши танки, лично взял в свои руки ремонт. Мы сразу почувствовали себя увереннее. С прицелами Резник помочь не мог, зато отрегулировал двигатели, мы подтянули все крепления, гусеницы. Очень вовремя пришла подмога, потому что 23 июля нам пришлось отбивать сильную атаку. О ней я расскажу позже, а ночью 22 июля я едва не погиб. Эпизод этот до конца дней остался в памяти.

Метрах в восьмидесяти от наших танков стояла небольшая часть НКВД, или заградительный отряд. Удалов приказал мне отнести их начальству «секретную» записку и ни в коем случае не читать ее. Конверт был самодельный, кое-как заклеенный. Я бы мог без труда его вскрыть, но добросовестно отнес чекистам. Комиссар с двумя шпалами и старший лейтенант прочитали записку и удивленно посмотрели на меня. Потом комиссар сказал:

– Завтра атака, ты чем драться собрался? У тебя даже пистолета нет.

– Обойдусь без пистолета. У меня вон там три танка стоят с боезапасом. Три пушки и пулеметы.

– Ты командир взвода?

– Так точно, товарищ комиссар.

– В боях участвовал?

– Да. Рота подбила четыре танка, и, кроме того, мой взвод раздавил три бронетранспортера.

– Добро. Ну, иди, отдыхай перед боем.

Я вернулся, а Удалов спрашивает:

– Ты записку отдал?

– Конечно, отдал.

Он не поверил и крикнул (расстояние всего ничего):

– Вам Журавлев донесение передал?

– Передал, – отозвался комиссар, – но мы не убийцы и в своих не стреляем.

Меня как жаром обдало. Сволочь! Я догадался, что Удалов написал донос. В такой напряженной обстановке меня вполне могли расстрелять без всякого суда как врага народа. Да и неизвестно, что он там наплел в своей писульке.

Я уже прошел бои, повидал смерть и не был тем зеленым курсантом, который все стерпит. Имелся бы пистолет – наверняка пристрелил бы Удалова. От возмущения и злости собой не владел. Но Удалов как чувствовал, что я ищу оружие. Куда-то сразу исчез. Командир он был нам формальный, в танках не разбирался.

Ребята меня успокоили, налили спирта, а я повторял как заведенный: «Какая сволочь! Ведь вместе воюем». Оказался бы поблизости кто-то из командования бригады, я бы доложил

немедленно. Но, кроме помпотеха Резника и командира роты, никого не было. Понемногу успокоился, а утром начался бой.

Нас атаковали примерно 20 немецких танков, бронетранспортеры, пехота. Велся непрерывный минометный огонь. Но фрицы, видимо, не рассчитывали, что за последние сутки пришло пополнение. Атаку мы отбили. Уничтожили 2–3 танка и какое-то количество пехоты. Немцы не захотели нести дальнейшие потери и, видя нашу решительность, отошли.

Как впоследствии выяснилось, они сделали крюк и прорвались дальше, в другом месте. Ну, а нас два дня подряд бомбили и обстреливали «Юнкерсы-87» и «Мессершмитты». Налетали группами по 5 – 10 самолетов, над степью поднимался дым от взрывов фугасных и осколочных бомб. Горела трава, мы задыхались, кашляли от дыма.

Тогда мы еще толком не знали, как уворачиваться от пикирующих «Юнкерсов». Догадывались, что лучше уходить на скорости, зигзагами, но горячего оставалось в обрез. Обычно останавливались и прятались под переднюю часть танка. Надеялись, что башню и корпус не пробьет. Стокилограммовая бомба насквозь бы пробила танк и ничего бы от нас не оставила. Но не такие уж асы были немецкие летчики. Прямых попаданий при мне не случилось, хотя «Юнкерсы» пикировали чуть ли не до земли.

Осколки ловили, но броня у «тридцатьчетверок» была крепкая. Редко пробивало насквозь. Гусеницы, тяги повреждало. Когда самолеты улетали, мы исправляли повреждения и продолжали выполнять задания.

Пехоте, конечно, доставалось. Особенно когда немцы успевали внезапно перехватить на марше колонну или отступающих в беспорядке красноармейцев. В таких ситуациях паника – самый страшный враг. От самолета не убежишь, а крохотная рожица, которая кажется совсем рядом, – недостижима. Все равно гад-фашист догонит, особенно «мессер» с его скоростью под шестьсот километров, с осколочными бомбами на подвеске, с двумя пушками и двумя пулеметами.

Однажды мы пересекали поле, усеянное серыми бугорками. Это были тела наших бойцов. Лежала их, может, рота, а может, и больше. Куда убегали? К кучке акаций, которые их бы не спасли. Мы замедлили ход, чтобы ненароком не раздавить тела. У кого три-четыре пулевых пробоины, у кого рваное отверстие от авиационной 20-миллиметровки, другие погибли от осколков бомб. Лежат ребята, и почти все в спину убитые. Спасся ли кто из роты – неизвестно. Их сутки назад расстреляли, тела уже начали распухать от жары.

В один из этих дней едва не вляпался в беду экипаж моего танка. В связи с нехваткой горячего мы порой действовали в одиночку. Резник едва не под расписку выдавал нам солярку. Начинаем спорить: «Застрянем на полдороге с пустыми баками!» А капитан на вкопанные в землю танки показывает:

– Скажите спасибо, что пока на ходу, а не загораете в капонирах.

На войне грань между жизнью и смертью тоньше волоска. Вот ты есть, и вот тебя нет! Погибшая пехотная рота, судя по всему, не ожидала налета. На бреющем обрушились на нее штуки четыре «Мессершмиттов», скорость – двести метров в секунду. Только и успели ребята услышать приближающийся рев моторов. Оглянулись, а в них уже бомбы, снаряды и пули вее-ром летят.

Не много дней прошло с первого моего боя, но на фронте учеба идет вдвое быстрее. Своей шкурой премудрости постигаешь. Дали нам задание проверить одно из танкоопасных направлений. Десант – три курсанта и нас четверо в танке.

Дорогу, по которой мы двигались на юго-запад, накануне хорошо пробомбили. По обочинам несколько сгоревших «полуторок», разбитые повозки, орудийные упряжки. Погибших уже похоронили. Здесь нам повезло. Мельников показал на разбитые «сорокапятки» и перевернутые орудийные передки.

- Командир, глянем, может, снарядами разживемся?
- Давай глянем.

Мельников сидел на люке, наблюдал за небом, а мы шарили среди обломков. Насобирали штук двадцать пять снарядов: бронебойных и осколочно-фугасных. Патронами разжились. Они в картонных пачках и отдельными обоймами разбросаны кругом были.

Когда боеприпасов хватает, всегда настроение улучшается. Оживленно переговариваясь, шли на хорошей скорости по укатанной степной дороге. Перед балкой дорога раздвоилась. По какой ехать? Давай по правой! Спустя минут двадцать выехали на гребень, остановились, и я стал рассматривать в трофейный прицел окрестности. Если для пушки оптика не годится, то за бинокль вполне сойдет.

Как мы немцев прозевали, сам не понимаю. Наша «тридцатьчетверка» лязгает гусеницами, за километр слышно. У немцев машины потише идут, только мотоциклы громко трещат. Их мы и слышали. Поглядел я в прицел, а по параллельной дороге, повыше нас, двигаются навстречу мотоцикл, два танка и легкий вездеход.

Если бы мы столкнулись в лоб, я бы немедленно принял бой. Хотя от лишней стрельбы нас предостерегали. Немецкая группа, промелькнув, остановилась выше нас. Мы их не видели, они нас тоже. Расстояние было метров сто пятьдесят. Мы затаились. А что еще делать? Из двух пушек нас в момент разделают. Спасибо, что бугор защищает. Сидим, ждем. Гляжу, у башнера пот крупными каплями течет. Все мы клятву давали и немцев бить беспощадно грозились. Но сейчас ситуация складывалась не в нашу пользу. Немцев мы как следует не видели, да и два немецких Т-3 против одного нашего (без прицела) танка не оставляли нам шансов на успех.

Дай бог, чтобы разъехали и фрицы нас не заметили. До чего в такие моменты громко молотит сердце! Хотелось курить, но казалось, даже шуршание бумаги и махорочный дым обнаружат нас. Нервы не выдерживали. Я был уже готов отдать приказ идти в атаку, а там – как получится.

Но заурчали моторы, и немцы покатали дальше. Выждав несколько минут, дружно закурили. Но за нервотрепку мы фрицам в тот день отплатили. Уже на обратном пути перехватили два мотоцикла – разведка по всем дорогам сновала. В казеннике был бронебойный снаряд, и мы поначалу промахнулись. Зарядили осколочный и накрыли один из мотоциклов.

Врезали удачно. Мотоцикл с водителем отбросило в одну сторону, а коляску с пулеметом – в другую. Второй мотоцикл дал газу и ушел из-под снарядов и пуль. Подъехали к разбитому «зюндапу». Немец в коляске горел вместе со своим барахлом, трещали в огне патроны, трассеры, шипя, проносились над головой. Мы отошли подальше – и правильно сделали. Сдетонировали сразу три-четыре гранаты, и коляску развернуло, как консервную банку. Обгоревшего пулеметчика отбросило в сторону, ноги по колено оторваны.

- Сапоги пропали, – сказал стрелок-радист.

Мельников странно поглядел на него, но ничего не сказал. Сапоги у экипажа были нормальные. Да и вообще, плохая примета – вещи или одежду у мертвых брать. У водителя мотоцикла уцелел автомат. В личном оружии мы нуждались, так как пистолеты или наганы никому не выдали. Теперь хоть автомат будет. Документы убитого тоже прихватили.

Когда вернулись, доложили о результатах подполковнику из 166-й бригады, который был за старшего. За документы нас похвалил, а насчет встречи с немецкими танками подполковник выразился неопределенно:

- Врага надо бить, а не смотреть.
- Позиция была неудобная. Они бы нас раньше прикончили. А мотоцикл с разведкой уничтожили. Трофейный автомат захватили.
- Шагайте, обедайте, – сказал подполковник, разглядывая с адъютантом немецкую солдатскую книжку с двуглавым орлом. – И свой взвод получше замаскируй.

Это он уже крикнул вслед. Свой взвод! Значит, для подполковника, я – командир Красной Армии, команду взводом, о котором он напомнил, а для Удалова – шпион или предатель. Автомат я нес через плечо, и, попадись мне наш «комиссар», неизвестно, чем бы все закончилось.

Мог бы и шлепнуть сгоряча, а вообще, собирался отвести к особистам. Никак не мог отойти от ночного происшествия, когда Удалов под расстрел меня пытался подвести. Думаю, что ничем бы хорошим мои планы отомстить не кончились. Неизвестно, что бы еще наплел обо мне Удалов, но он куда-то исчез.

Мы перекусили перловкой с говядиной, напились холодного молока и отправились спать. Кроме немецких самолетов, нас никто не тревожил. Но они бомбили какие-то объекты в стороне. Когда же наши «ястребки» появятся?

Про истребители никто ничего не знал, но мы услышали новость, что на нашем участке немцы применяют новую дальнобойную пушку, которую окрестили «огненный змей». Начальная скорость снаряда у нее 1200 метров, и наши Т-34 «змей» пробивает за полтора километра. Не сказать, что мы сильно встревожились, но на всякий случай поинтересовались у капитана Резника.

Он сообщил, что у советской дивизионной пушки ЗИС-3 начальная скорость бронебойного снаряда тоже 1200 метров. Речь скорее всего идет о длинноствольных зенитных орудиях калибра 88 миллиметров. Они действительно опасны на расстоянии до двух километров.

– В наступательных частях их мало, – жестикулируя, объяснял помпотех. – Слишком громоздкие, весят восемь тонн. Но, учитывая сильное сопротивление, которое мы оказываем, Паулюс мог подтянуть несколько дивизионов.

– Два километра, – рассудительно заметил кто-то. – И не увидишь, откуда стрельнут.

– Этих орудий у немцев мало. Вы не их бойтесь, а обычных 75-миллиметровок остерегайтесь. Те за километр могут подловить, и маскируют их фрицы хорошо.

– «Семидесятипятки» мы уже прошли, – раздался тот же голос. – В лепешку давили.

– Не хвались, – со злостью одернул смельчака Мельников. – Товарищ капитан дело говорит. Давили – не давили... А сколько уже наших танков пожгли!

Затем все вместе покурили, попили холодной водички и потрепались о женщинах. Хорошо, когда дружный коллектив и таких уродов, как Удалов, поблизости не видно. Кстати, капитану Резнику я рассказал о ночном происшествии. Он сморщился, словно от зубной боли. Ответил, как всегда, рассудительно:

– Удалов из политсостава. Его так просто не возьмешь. Не обращай внимания. В обиду тебя не дадим. А появится кто из командования бригады, тогда доложим.

Недолго длилась моя война. 17 июля 1942 года я принял первый бой, а 27 июля, через десять дней, – последний. Запомнился он мне до мелочей. Бойцы говорят, что у человека существует предчувствие, если его в ближайшее время убьют или тяжело ранят. У кого как, а мне в ночь с 26-го на 27-е снился госпиталь, я видел себя в больничном халате. Рассказал ребятам.

– Да ну, ерунда! – отозвался механик-водитель Мельников. – Есть примета: если плохое снится, все хорошо будет.

На смерть и ранения мы в эти дни насмотрелись, говорить о них не хотелось. Остальной экипаж подтвердил слова Мельникова. Хотя бодрости в голосах не чувствовалось. Нечему радоваться. Впереди жаркий день, раскаленное солнце, немцы наступают, и самолеты над головой ходят.

Комбат из 166-й бригады вызвал меня, приказал взять еще один танк, взвод десантников и четырьмя машинами двигаться к хутору, названия которого в памяти не осталось. Вчера там наблюдалось движение небольших групп немцев.

– Танки, что ли? – спросил я.

– Неясно, – пожал плечами комбат. – Но артиллерию точно видели. Осторожнее действуйте.

Посидели над картой, обсудили маршрут. Затем перекусили с экипажем горячей, только что сваренной кашей и двинулись то ли в разведку, то ли в бой. Боеприпасами и горючим еще с вечера загрузились.

Солнце поднялось невысоко, но уже чувствовалась жара. В стороне на двухкилометровой высоте двигались тройками штук пятнадцать двухмоторных «Юнкерсов-88» в сопровождении истребителей. «Юнкеры» на нас внимания не обратили, а две пары «Мессершмиттов», заложив вираж, спикировали в нашу сторону.

Истребители нам такого опасения, как в первые дни, не внушали, но я дал команду сосредоточиться. Прятаться негде. Виднелась вдалеке степная балка, вернее, верхушки деревьев. Туда мы и направились, хотя уже убедился, не в каждой балке можно найти с ходу укрытие. Слишком крутые склоны. Чтобы спуск к деревьям отыскать, время нужно. «Мессершмитты» не спеша выбирали цель. Десантники не выдержали воя снижающихся самолетов, начали прыгать. Другие крепче вцепились в скобы на броне.

Полетели вниз небольшие бомбы, но в цель ни одна не попала. «Мессершмитты» торопились догнать своих бомбардировщиков. Сделали еще один короткий заход, обстреляли нас из пушек, пулеметов и унеслись прочь.

Собрались снова вместе. У десантников один тяжело раненный в плечо, другой сломал ногу, когда прыгал с танка. «Тридцатьчетверки» не пострадали, если не считать нескольких щербин от осколков и снарядов 20-миллиметровых авиапушек.

– Ну вот, лейтенант, – сказал башнер. – Поэтому тебе и госпиталь снился. Десантники пострадали.

А у меня появилась проблема. Куда девать раненых? Мы от своих уже далековато отъехали. Эвакуировать их на танке не хотелось. Четыре штуки – для боя и так мало, а останется всего три.

Возле балки копошились бойцы, мелькали лопаты. Мы направились к ним. Передовая часть какого-то полка копала окопы. Было их человек семьдесят под командованием старшего лейтенанта. Нам они обрадовались, потому что артиллерия еще не подошла, а из противотанкового вооружения имелось всего два ПТР и бутылки с горючей смесью.

Старлей сообщил, что видел в бинокль мотоциклистов, а вчера их бомбили. Хорошо, что успели спрятаться в глубине балки, но несколько человек были убиты и ранены.

– Мы вам двух своих раненых оставим? – попросил я.

– А вы что, сматываетесь? – встревожился старший лейтенант. – Если немецкие танки пойдут, нам отбиваться нечем.

– Поблизости будем.

– Вы нас не бросайте, а мы о раненых позаботимся.

На том и договорились. Двинулись дальше. Вскоре наткнулись на группу отступающих бойцов. Шли они давно, от усталости едва ноги тащили, некоторые – раненые, с серыми от пыли повязками. Попросили воды. Напоить всех у нас запасов бы не хватило. Выделили по кружке раненым. Показали их командиру в сторону балки:

– Шагайте быстрее туда, если под бомбежку не хотите попасть. Там оборону строят и ручей имеется.

Красноармейцы поплелись дальше. Я не вкладываю в слово «поплелись» унижительного значения. Да, бойцы едва тащились после долгих дней отступления. Они побросали противогазы, шинельные скатки, даже гранаты, но винтовку со штыком имел каждый. Они вышли из

боя и собирались воевать дальше. Есть в балке ручей или нет, я не знал. Но если роют окопы и ждут прибытия полка, то вода наверняка найдется.

– Дон далеко? – облизал губы обернувшийся сержант.

– Вы туда не мыльтесь, – посоветовал я. – Пока до Дона доберетесь, в дезертиры попадете. А с ними разговор короткий – шлепнут за трусость, и все дела. Шагайте, присоединяйтесь к обороне.

Не знаю, куда ушла группа, но мы через пару часов увидели несколько немецких танков. Сколько их было? Не помню. Может, четыре, может, шесть. Но я принял решение атаковать.

Еще не вышел знаменитый приказ Верховного № 0227 от 28 июля 1942 года. Но и без него в Донских степях в 100 километрах от Сталинграда постоянно действовали свои приказы: атаковать, уничтожать противника, не давать фрицам прорываться дальше. Особенно это касалось танкистов. У вас броня, пушки, пулеметы! Попытки отсиживаться и отступать приравнивались к трусости.

Наши четыре танка рванули вперед, обходя фрицев с фланга. Огонь открыли одновременно. На быстром ходу, подпрыгивая на буграх, он был неэффективен. С короткой остановки я выпустил два бронебойных снаряда, целясь в ближайший танк. Попал, но снаряд прошел рикошетом. Сближались быстро. Немецкие Т-3 и пара тяжелых Т-4 тоже развили неплохую скорость.

– Командир, одна «тридцатьчетверка» дымит! – крикнул башнер.

Я не ответил, нажимая подошвой на педаль спуска. Еще один выстрел. Кто-то из нас попал снарядом в другой немецкий танк. Поднялась стрельба откуда-то сбоку, даже сзади. Как я позже догадался, били из засады противотанковые пушки. Я начал разворачивать башню и почувствовал сильный удар.

Хотите – верьте, хотите – нет, но «свой» снаряд я видел. Раскаленная красная болванка пробила башню с кормы, рикошета, кувыркнулась внутри танка и упала на поддон. Машина продолжала двигаться. Мельников сказал:

– Ну что, лейтенант, «Интернационал» петь будем?

Дословно передаю тот момент. Хохол-механик не терял юмора, а башня уже наполнилась дымом, и снизу пробивались языки пламени.

– Какой «Интернационал»? Всем покинуть машину!

Мельников выпрыгнул через передний люк. Я позвал башнера. Он сидел неподвижно, обвиснув на сиденье, тело имело какой-то странный вид. Проведя рукой, нащупал что-то скользкое и липкое – у моего товарища были оторваны обе ноги.

Я пытался открыть верхний люк. Танк у нас был раннего выпуска с башней-пирожком и единственным, очень тяжелым верхним люком. Его заклинило, я тщательно молотил кулаками, толкал плечом крышку, не в силах ее открыть. Я задышался от дыма, сильно припекало, к тому же почувствовал, что правая ступня не слушается. Внизу, на поддоне, уже горела солярка, я торопливо пробирался к открытому переднему люку. Вывалился, успев заметить, что стрелок-радист тоже ранен и кое-как шевелится.

Вдвоем с Мельниковым мы буквально выдернули нашего мингрела.

Снаряд сломал, смял ему руку, и он был без сознания. Когда тянули его (тоже через передний люк), я сильно напряг правую ногу. Все тело пронзила боль, но я тут же забыл про нее – в лицо плеснул язык пламени.

Может, я кричал или выл от боли, не помню, но мы все же сумели оттащить тело стрелка-радиста в сторону. Вокруг шел бой, а к нам бежали трое немецких пехотинцев. Добьют, проткнут штыками! Русских танкистов они не щадят.

Автомат мы оставили в танке. Единственным оружием была «лимонка», которую я носил в кармане куртки. Подпустить поближе и взорваться? Но умирать не хотелось. Отогнув усики, швырнул гранату. Упала она недалеко и едва не изрешетила осколками нас самих, но немцы

шарахнулись прочь. Упал один, второй. К нам пришла на помощь «тридцатьчетверка», которая вела огонь из пулеметов.

Стрелку-радисту наложили шину на сломанную руку. А у меня жгло и горело лицо, особенно левый глаз, который я пытался тереть закопченными пальцами. Старшина-санинструктор и санитар схватили меня за руки, вылили на обожженное лицо фляжку воды.

– Не лезь в глаз, слышишь! – кричал старшина.

После ранения и контузии я мало что соображал. Запомнилось только, что повторял:

– Глаз... глаз выбили.

– На месте твой глаз, – успокоил старшина. – Лежи, не дергайся.

Глаз мне перевязали. Правый сапог был разорван, текла кровь. Сапог торопливо разрезали, наложили шину на правую ступню, распухшую и синюю. Мне повезло, что нас быстро доставили в санбат. Из ступни вытащили большой осколок, загипсовали. Осмотрев глаз, врач сказал, что в него попал мелкий осколок и надо срочно везти меня в госпиталь в Сталинград.

А до Сталинграда сто километров. Погрузили в санитарный автобус и повезли нас шесть человек тяжело раненных. Лежали на носилках-кроватях, закрепленных внутри автобуса. Как котята в корзине. Ну, думаю, «мессер» появится, и конец нам! Словно накаркал. Вынырнул «Мессершмитт» и обстрелял автобус. Задел кого или нет, не помню. Слышал, как гремела пробитая насквозь жестяная облицовка. Водитель, парень совсем молодой, испугался и выскочил. Рядом со мной лежал майор, весь перевязанный. Кричит сопровождающему санитару:

– Садись за руль, мать твою!

– Я не умею.

– Эй, танкист, садись тогда ты. Иначе добьют нас.

«Мессер» сделал еще один заход, но снаряды и патроны у него, видать, заканчивались. Можно сказать, только напугал. А я, с загипсованной ногой, гнал автобус напрямик через степь. Нас догнал водитель, и майор пригрозил ему:

– Жаль, пистолета нет. А то бы я тебя пристрелил, трус поганый.

Пистолет был у другого раненого офицера. Но он лежал молча, потому что вез в Сталинград знамя погибшей в бою дивизии. Не уничтоженной или разбитой, а именно погибшей.

Шел уже август. Всем прочитали приказ Верховного № 0227 «Ни шагу назад». Батальоны дрались до последнего человека, до последнего танка. Отход разрешали только раненым. А из остатков частей, вырвавшихся из окружения, на Дону сколачивали новые роты и батальоны. Кого-то и расстреливали за отход без приказа. Суровый был приказ, и время тяжелое. Может, самое тяжелое за весь период войны.

В Сталинграде мне сделали в одном из госпиталей операцию, удалили из ноги еще штук пять мелких осколков. Глаз оперировать не стали, так как город уже бомбили и госпиталь эвакуировали. Кто мог ходить, отправляли на своих двоих.

– Шагайте к причалам, садитесь на любой пароход и добирайтесь до Астрахани (400 километров), – инструктировали нас.

Мне укрепили металлическим каркасом шину на ступне, и я захромал к Волге. Над головой прошло несколько немецких самолетов, но я не обращал на них внимания. Столько всего насмотрелся, что они меня не пугали.

Зенитная батарея на высоком берегу открыла огонь. Самолеты пикировали на зенитчиков, взрывы поднимали столбы земли, обломки деревьев, что-то горело. Один из самолетов хорошо подковали. Он, завывая, уходил на малой высоте, и его добивали из пулеметов и винтовок. А на месте батареи клубился сплошной дым. Погибли, наверное, ребята.

Людей на берегу скопилось много, целые толпы. Но я все же до армии был водником, с моряками договорился. Глянули на мой танкистский комбинезон, обожженное лицо, шину на перебитой ноге и впихнули на пароход «Композитор Бородин», который шел в Астрахань.

Кстати, во время следующего рейса фрицы потопят этот пароход, когда он будет эвакуировать из Сталинграда сотни женщин, детей, раненых.

В Астрахани, уже в госпитале, я узнал о страшной бомбежке Сталинграда 23 августа 1942 года, когда был разрушен весь центр города и погибло 50 тысяч человек. Я успел эвакуироваться буквально за день-два до этой страшной бомбежки.

В госпитале мне снова прооперировали ступню, затем отвели к доктору-офтальмологу. Я этого доктора на всю жизнь запомнил. Маленькая чернявая женщина, звали Ревекка Львовна, эвакуированная из Киева. Долго она мой глаз осматривала, а потом сказала, что осколок вошел глубоко, перевернулся, повредил сосуды. Выход один – удалять глаз. Я чуть не заплакал, а Ревекка Львовна утешала меня, как ребенка:

– Саша, другого выхода нет. Сделаем все под наркозом, ты ничего не почувствуешь.

– Но ведь я им вижу. Болит только.

– Станет болеть еще сильнее, уже началось воспаление, а ведь там мозг рядом. Все будет в порядке, а правым глазом ты до старости хорошо видеть будешь.

В общем, удалили мне левый глаз. Вставили искусственный, долечили ногу и демобилизовали по второй группе инвалидности (потеря глаза и ограниченная деятельность голеностопного сустава).

Вернулся домой в Горький, многие друзья и сокурсники погибли или пропали без вести. Тоскливо было на душе. Но это не помешало мне закончить в течение года оставшиеся полтора курса института. Работал инженером-механиком, а с 1945 по 1951 год – главным инженером Ахтубинского судоремонтного завода в Астраханской области.

В 1951 году меня перевели в Сталинград, где я работал на Судостроительном заводе на разных должностях до 1978 года. В 1947 году женился и прожил с женой Валентиной Петровной пятьдесят два года. Похоронил ее после тяжелой болезни в 1999 году. Имею двух сыновей, Евгения и Виталия, несколько внуков.

Награды? Когда в 1951 году я вставал на учет в Красноармейский райвоенкомат, военком глянул на мою медаль «За победу над Германией», расспросил биографию и сказал:

– Ты в таких боях участвовал. Надо запросы в Подольск направить.

Вскоре пришел ответ из Министерства обороны, что меня за боевые действия на подступах к Сталинграду представили еще в 1942 году к ордену Красной Звезды, а позже – к медали «За оборону Сталинграда». Вскоре их вручили.

Вот и вся моя история. Живу вместе со старшим сыном, пенсия неплохая. А война до сих пор снится по ночам. Хоть и недолго воевал, но память осталась на всю жизнь.

Лейтенант медицинской службы

На моем попечении было тридцать бойцов. Все после ранений в живот, перенесшие тяжелые операции. Вот я их и выхаживала в длинной брезентовой палатке с двумя печками. Всех выходила, за что и была награждена орденом Красной Звезды.

Черноусова Е. П.

С Елизаветой Павловной Черноусовой мы живем в одном районе. На встрече с ветеранами Великой Отечественной войны я не мог не обратить внимания на ее пиджак с многочисленными наградами. Ордена Красной Звезды и Отечественной войны, медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», почетный медицинский знак времен войны с профилем А. В. Суворова и вещими словами «За мужество и любовь к Отечеству».

Мы познакомились с Елизаветой Павловной. Так и родился рассказ о ее жизни и фронтовых дорогах.

Я родилась 28 августа 1922 года в селе Пичуга Дубовского района Сталинградской области. Детей в семье было четверо, я самая старшая.

Девичья фамилия – Ястребова. Отец и мать были крестьянами, и до 1930 года мы жили неплохо. Имели корову, двух бычков, выращивали большой огород.

Земля у нас плодородная, климат теплый. Снимали богатые урожаи картошки, капусты, росли крупные помидоры, баклажаны, перец. Правда, дождей выпадало мало, воду таскали на коромыслах издалека. Трудилась в огороде и я, а воду в небольших ведрах носила для полива лет с семи.

В 1929 году началась коллективизация. Отец, любивший землю, присматривался, как создаются колхозы. Порядка в них было мало, оплата непонятная. Не очень ему нравился коллективный труд на земле, когда начальство учит тебя, что сеять и когда урожай убирать. Маме до слез было жалко отдавать в чужие руки нашу корову и бычков.

Властям упрямство родителей и непонимание линии партии тоже не понравилось. Пришлось из села уезжать. Запрягли в телегу бычков, погрузили нехитрое наше имущество и приехали в Сталинград (поселок Баррикады). Купили там диковинное жилье, дом-землянку. Выглядело оно так. Комнатка, кухня, прихожая целиком находились в земле, крыша была на уровне почвы, а стены обиты обрезками досок. Отец с матерью спали на кровати, а мы, дети, – на полу.

Места для огорода не было, отец пошел в пастухи. Ему каждый день давали литр молока, расплачивались также овощами, зерном, хлебом. Так и жили. В восемь лет я пошла в школу и закончила восьмилетку в 1938 году. Не знаю, как уж умудрялась делать уроки в нашей полу-темной землянке, но школу закончила неплохо.

Затем поступила учиться на акушера. Профессия мне нравилась, училась с удовольствием. Когда началась война, мы, студенты (и парни, и девушки), принялись осаждать военкомат с настойчивыми требованиями отправить нас на фронт.

Военком терпеливо объяснял, что войны хватит на всех. Медработники для армии очень нужны, и нам следует закончить курс обучения. В феврале 1942 года нас выпустили досрочно, отучились мы без малого три года. Период с марта по июль не отложился в памяти. Я работала медсестрой в больнице, а в августе 1942 года была зачислена в штат госпиталя № 5112.

Боевое крещение приняла в памятный каждому сталинградцу день – 23 августа, когда на город обрушились волна за волной сотни немецких самолетов. Этот день достаточно описан в литературе. Расскажу о своих впечатлениях. Так страшно мне не было никогда в жизни. Самолетов налетело, как грачей на вспаханное поле. Куда ни глянешь, сыпались вниз бомбы.

Непрерывные взрывы, пожары, рушившиеся дома, вой сирен. Люди бежали к Волге, прятались в оврагах. Тела погибших лежали на расплавившемся от огня асфальте. Мамочки, ведь меня убьют! Но времени на страх не оставалось. Мы, медсестры и санитарки, перевязывали раненых, накладывали шины на перебитые руки-ноги. Бойцы грузили пострадавших на грузовики и везли к пристани.

Гибли и работники госпиталя. У нас была медсестра Ася, беленькая, смешливая. Гляжу, бежит вдоль дома, придерживая тяжелую санитарную сумку. Остановилась у неподвижного тела – это, видимо, был убитый. Выпрямилась, хотела дальше бежать. А я вижу, как черная тень рядом с ней к земле несется. Закричала:

– Ася! Бомба!

И тут взрыв. Стена дома вспучилась, и все три или четыре этажа огромной грудой обрушились на Асю. И сразу тугая волна горячего воздуха и пелена красной от кирпича пыли. Меня сбilo с ног, а когда поднялась, увидела огромный завал и торчавшие металлические балки. Кое-где пробивался огонь. Поняла, что нет Аси в живых и вытащить тело из-под обвала не удастся. Здесь подружка погибла, и здесь ее могила.

Шла, и ноги заплетались. А кругом раненые, обожженные. Надо работать. Кто-то из наших окликнул меня:

– Тебя ранило?

– Нет... Асю убили. Под кирпичным завалом лежит.

За один день центр города был практически уничтожен. Мы еще несколько дней работали в горящем Сталинграде. Погиб санитар, были ранены и контужены еще несколько наших сотрудников. Насмотрелась за эти дни столько всего – вспоминать страшно. И обугленные трупы, вплавившиеся в асфальт, матерей с убитыми детьми, искалеченных, без руки или ноги. Шок от первого дня прошел, и я уже спокойно выполняла свою работу. Надо было спасать людей.

Вскоре нас эвакуировали на левый берег Волги, в поселок Среднюю Ахтубу, километрах в двадцати от Сталинграда. Здесь я работала операционной сестрой. Если спросите, по сколько часов в сутки работали, то, пожалуй, и ответить не смогу. Шел сплошной поток раненых. Выглянешь из палатки – уже вечереет, затем наступала ночь, а хирурги продолжали оперировать. Ну, и мы всегда возле них. Спали урывками, на ходу перекусывали. Осень была самым тяжелым временем в обороне Сталинграда, мы это чувствовали на себе.

Впрочем, и в феврале, когда меня перевели в медсанбат № 32 27-й дивизии 62-й армии, стало не легче. Медсанбат располагался на окраине Сталинграда. В самом городе армия Паулюса уже капитулировала, но наши войска вели наступление, и поток раненых не уменьшался.

Я снова работала операционной сестрой у капитана-хирурга. Фамилии не запомнила, было ему лет тридцать, звали Григорий Иванович. Он специализировался на раненных в брюшную полость. А это же такие опасные раны! Не зря бойцы больше всего ранения в живот боялись. Мол, если поймает осколок или пулю в живот, то все, конец тебе.

Григорий Иванович был, что называется, хирург от Бога. Извините, что все эти детали описываю, но такая у нас была работа. Привезут парня, а у него кишечник пулей в трех-четырех местах пробит. Да еще проблема была, что, пока доставят, несколько часов пройдет. Загноение начинается, содержимое кишок вместе с кровью брюшную полость заливает. Григорий Иванович подмигнет, подбадривая меня: «Ну что, Лизавета, начнем».

По три, по пять часов сложные операции длились. Вырезал Григорий Иванович целые куски, скрупулезно сшивал кишки, чтобы ни малейшего отверстия не осталось. Я сначала не верила, что с такими тяжелыми ранами человека спасти можно. А ведь спасали!

Наложим шов, боец отходит от наркоза, его увозят. А Григорий Иванович закуривает папиросу, идет вдоль лежащих в ряд раненых, смотрит, кого в первую очередь оперировать.

Для посторонних картина удручающая. Лежат в основном мальчишки 19–20 лет, редко кто старше. В телогрейках, шинелях, валенках, с которых стаивает замерзшая глина (в Сталинграде в основном глинистая почва). Одни, совсем без сил, едва равнодушно приоткрывают глаза, когда мы осматриваем раны. Другие держатся крепко, с надеждой смотрят на хирурга. Кто-то без сознания. Лица, покрытые копотью, засохшей кровью, крупные капли пота.

Очередь тянется на улицу. Несколько человек, укрытые полушубками и двумя-тремя одеялами, лежат на истоптанном снегу. Я обращаю внимание на мальчишку лет восемнадцати. Лицо серое, безжизненное, но он еще дышит, зажимая ладонями бок. Откидываю одеяла, полы шинели. Под пальцами расплзается буро-зеленый ком. Вот кого надо срочно оперировать!

Но Григорий Иванович отрицательно покачал головой. Видя, что я застыла возле парня, объясняет:

– Лиза, он безнадежный. Разрывная пуля в кишечник угодила. Понимаешь?

За полгода я много чего насмотрелась. Что такое разрывная пуля в живот, отчетливо представляю. Десятки мелких, острых, как иголки, осколков превращают внутренности в решето. Кишечник у парня издырявлен так, что его никаким способом не зашьешь. Пока я неподвижно стояла, глядя на обреченного паренька, Григорий Иванович показал санитарам на раненного двумя пулями сержанта:

– Давайте этого... Лиза, пошли.

Медперсонала не хватало. Это в кино показывают, как вокруг операционного стола суетятся человек пять, а у нас в санбате обычно работали парами. Хирург и операционная медсестра. Санитарок в тот период не было, их обязанности исполняли легкораненые.

Консилиумы устраивать и советоваться было не с кем. За соседним столом работал хирург, специализирующийся на ранениях конечностей. Там тоже сплошной поток бойцов и офицеров с простреленными, перебитыми, а то и оторванными руками-ногами. Бесконечные ампутации, чистка глубоких ран. Пули и осколки дробили кости. И все равно умудрялись собирать их и большинство раненых возвращать в строй, хоть и не скоро.

Я себя крепкой девушкой считала. Сколько мы тогда спали? Бывало, по четыре-пять часов. Проваливалась в темноту, едва до койки добиралась. Кормили нас неплохо, но порой и завтрак, и обед пропустишь, когда шли сложные операции. Выпьешь крепкого сладкого чая с куском хлеба – и опять в операционную.

И все же я надломилась. Пошла за чем-то и на ходу упала. Григорий Иванович с коллегой осмотрел меня, покачал головой. Два дня пролежала в койке, приходила в себя, отсыпалась. А затем хирург перевел меня на должность палатной сестры. Объяснил, что обмороки просто так не бывают. И тем более свалилась я не от того, что всяких страшных вещей насмотрелась. К этому я привыкла. А вот сердце не выдержало.

У меня появилась новая работа. Длинная брезентовая палатка с двумя печками, помощник – санитар из легкораненых и тридцать бойцов из числа тех, кого прооперировал Григорий Иванович. Все с ранениями в живот.

Такая категория раненых требует особого ухода. Особенно важен режим. Как правило, все они страдали не только от боли, но и от жажды. Кто знаком с медициной, знает, что тридцать человек, только-только приходящих в себя после тяжелых ран и сложных операций, – это большая нагрузка.

Первые десять дней после операции практически никому не разрешалось пить воду и есть. «Кормила и поила» своих пациентов уколами глюкозы и физраствором внутривенно, вводила обезболивающее, в том числе морфин.

Спрашиваешь меня, просили ли воду, как это часто показывают в фильмах? «Сестрица, ну хоть глоток!» Нет, кому нельзя, не просили. Пойми, ведь Сталинградская битва была такая жестокая. Роты и батальоны целиком погибали. А ребятам повезло, хотя и получили раны в живот (большинство – пулевые). Они словно с того света вернулись и понимали, если выполнять режим не будут, то второй раз чуда не случится. Вода для них означала смерть. Поэтому терпели.

А у кого кишечник перебит и заново сшит, по две-три недели без воды терпели. Только глюкоза, физраствор и лекарства. Антибиотиков тогда не было, а об американском пенициллине мы и не слышали. Он позже стал в Советский Союз поступать. Поэтому следила очень внимательно. Малейшее загноение или нарушение пищевого режима могло привести к перитониту, считай, к смерти. Сразу бежала к хирургу.

Здесь, в палате (вернее, в палатке), я немного ожила. Хотя работы было много, я могла благодаря санитару, молоденькому пареньку, время от времени поспать. Стала нормально питаться. Все же постоянное общение с людьми, а не стояние целыми сутками у операционного стола, где я буквально валилась с ног, пока не схватило сердце.

Тридцать подопечных. Я за считанные дни познакомилась с ними. Все они относились к категории тяжелораненых, хотя состояние было разное. Кто-то уже начал ходить, разговаривал. Другие, особенно со сложными ранениями в кишечник и печень, в основном спали или бредили.

Проблемой было поддержание в палатке тепла. Хотя имелись две печки и толстый брезент, но в Сталинграде погода стояла ветреная, очень морозная. Нам привозили на грузовиках всякий деревянный хлам. Лесов на правом берегу мало, лишь в балках да по берегам редких речек. Свалят в кучу мерзлые стволы, крупные ветки, расщепленные шпалы, охапки кустарника, груды обгоревших досок. А дальше занимайтесь с ними сами.

Печки у нас небольшие, мой санитар-помощник вместе с санитаром из соседней палатки берется за пилу и топор. Топить приходилось постоянно, потому что в марте ночами зашкаливало за минус десять-пятнадцать, а ветер выл в трубах, не переставая. Когда дров не хватало, ребята брали повозки, инструмент и выискивали по степи все, что горит, вплоть до высохшего на морозе бурьяна. А ведь под снегом сколько мин оставалось! Мы кричали нашим помощникам вслед:

– Ребята, под ноги глядите! Не забывайте про мины.

Они смеются: «Все будет нормально!» Подружилась с медсестрой из соседней палатки. Звали ее Люба Нечай. У нее такой же брезентовый «дом», помощник-санитар и раненные в руки-ноги бойцы и командиры. Иногда встречаемся, пьем чай, вспоминаем довоенную жизнь.

Но долго не посидишь. У Любы свои проблемы, у меня – свои. Иду вдоль коек. Раненые мне улыбаются, отпускают комплименты. Конечно, приятно. А я смотрю на лейтенанта, вижу, что у него температура. Где-то началось воспаление. Осторожно меняю повязку.

– Больно?

– Нет, Лиза. Приятно.

По глазам вижу, что больно, но терпит. Надо вызывать Григория Ивановича, пусть глянет. С другими проблемами справляюсь сама. Перевязки, глюкоза, физраствор. Просто посидишь возле загрузившего парня. Здесь главное – чутко следить за состоянием. Григорий Иванович хоть и делает обходы, но постоянно занят в операционной и доверяет мне. Все же медицинское училище закончила.

А бойцы и офицеры лишь немного придут в себя (из тех, кто по характеру бойкий) – начинают ухаживать: «Посиди со мной, сестрица!» О житье-бытье рассказывают, в глаза смотрят. Compliments. Красавицей я себя никогда не считала, но, наверное, все девушки в двадцать лет симпатичные.

– Нравишься ты мне, Лиза!

О своих чувствах говорит. Почти любовь. Вижу, соседи-раненные ревнуют. Поднимаюсь:

– Извини, мне работать надо. Потом поговорим.

В любви ребята признавались. Некоторые даже жениться предлагали. Лежит весь перебинтованный, кое-как с койки встает, но жизнь не останавливается. Невесты, матери, сестры далеко. Я – одна. Чтобы не обидеть, отшучиваюсь, мол, у меня жених уже есть. Да и вообще, сначала надо выздороветь.

Хорошие парни были. Ко мне ласково относились. А ведь такое жестокое сражение прошли! Подвигами не хвалились, хотя тогда все газеты о разгроме немцев под Сталинградом писали. Это была главная тема. Из разговоров раненых друг с другом я их истории знала.

Лейтенант Саша весь свой взвод пережил. Как я поняла, они в бои вступили в январе, когда всю трубили о наших победах и взятых городах. А в Сталинграде до дня капитуляции бои шли. Немцы сдаваться стали лишь после приказа своего командования о капитуляции 2 февраля 1943 года.

И Саша несколько раз чудом от смерти уходил. Рассказывал, как лицом к лицу в разрушенном доме с немцем столкнулся. Даже за автоматы не успели схватиться. Толкнули друг друга. Саша сильнее толкнул, сам на ногах устоял, а немец на спину упал.

– Я в него полдиска выпустил. Только клочки летят, а я все на спуск жму.

Он не хвалился, просто говорил, что пережил. И я, смертей насмотревшись, хорошо его понимала. Не затевала ненужных разговоров о жалости и милосердии. В той ситуации – или ты, или враг выживет.

Рассказывал про земляка из своего взвода. Тот умело воевал, один из немногих остался. Ну, и осторожность потерял. В один из последних январских дней стоял в разрушенном доме у окна, о чем-то задумался и попал снайперу под прицел. Пуля в левую скулу вошла и из правой вышла. Пока перевязывали, истек земляк кровью.

Сашу через день-два ранили, когда между развалинами в атаку бежал. Вдруг увидел вспышки из подвала. Автомат в руках разлетелся, и по животу как огромной железкой ударило. Когда в санбат несли, не верил, что выживет.

– До живота дотронусь, а его нет. Какие-то тряпки окровавленные и кишки, как пузырь, раздулись, по ногам то ли кровь, то ли что-то другое течет.

Я помнила, как его оперировали. Повезло лейтенанту, что из трех пуль лишь одна кишечник пробила. Но неделю между жизнью и смертью провел. Чтобы от болевого шока не умер, я ему после операции морфин вводила. Он еще просил, а я, сделав три или четыре укола, сказала: «Больше нельзя. Терпи».

Еще один парень запомнился. Еще в ноябре, когда Волга не встала, он ящики с боеприпасами таскал. На свой парходик опоздал, прыгнул на следующий. А в то судно, где его взвод (или батальон) переправлялся, снаряд угодил. Как деревянный коробок разнесло, только куски палубы и доски среди ледяной каши плывут, а их с правого берега добивают.

Кого убили, кто утонул, лишь несколько человек подобрали. Тоже к нам в феврале угодил, получив пулю в поясницу. Рассказывал, что зимние месяцы на морозе провел. В Сталинграде все деревянное сгорело. Набьются теснее – и греют друг друга в подвалах. Мы ему, кроме раны, обмороженные пальцы лечили. Три или четыре ампутировали.

Ну, еще коротко упомяну про одного «жениха». Наш особист ко мне прилип. Не нравился он мне. Старше возрастом, назойливый, а вскоре выяснилось – женатый. Я его резко отшила. Тебе ППЖ понадобилась? Ищи в другом месте! Отстал и больше не привязывался.

А я вскоре сразу со всеми своими подопечными попрощалась. Они ведь в санбате временно лечение проходили. Операция, заживление ран, а затем всех ждал госпиталь. Поначалу их перевозить и трясти на грузовиках нельзя было. Полный покой требовался. А для окончательного долечивания нужны были госпитальные условия.

Подогнали в теплый весенний день грузовики и всю палату по восемь человек на койках-носилках погрузили в машины. Улетели мои белые голуби! Я по-женски их так называла. Отправляли мы их в новом белом белье. Одеждами не накрывали, солнце уже хорошо грело. Машут мне руками, кто адресок протягивает. Спасибо, Григорий Иванович, спасибо, Лиза! А у меня слезы текут. Привыкла к ним.

За то, что выходила тридцать послеоперационных тяжелораненых, получила первую свою награду – орден Красной Звезды. Я и про медаль не думала, а тут сразу орден. Тогда ведь мало кого награждали. Разве что начальство повыше. А лейтенанты да рядовые только шрамы да нашивки за ранения получали. После Сталинграда немного расщедрились, но редко у кого медаль на груди, а про ордена и говорить нечего.

Кроме ордена, попозже получила медаль «За оборону Сталинграда». Но война и после Сталинграда для меня продолжалась.

Ведь я носила воинское звание, и наша дивизия (и медсанбат) двигалась на запад.

Запомнились долгие переходы конца лета и начала осени сорок третьего года. Это было уже после Курской битвы. В большие города мы не заходили, а поселки в памяти не остались. Бесконечные пыльные дороги, где-то впереди прорывают немецкую оборону танки и пехота, а мы стараемся не отстать от тылов дивизии.

Двигались повозки с медицинским оборудованием, медикаментами, палатками, а мы, медсестры, шагали в кирзовых сапогах размера на три больше. Но все же сапоги, а не ботинки, в которых топала основная часть пехоты. Мы ведь старались всегда за собой следить. Сапоги, юбка, гимнастерка, туго перепоясанная ремнем. Да мы еще девчата хоть куда!

Бомбили нас не часто. Но дорога выматывала. Пытаемся смеяться, даже петь, а ноги заплетаются от усталости. Ездовые – в основном дядьки в возрасте, заботились о нас. Увидят, что кто-то отстает, подсаживают на повозку.

Войска наступали быстро, санбат мы не разворачивали, оказывали помощь раненым на ходу и отправляли в тыл. Шли по местам тяжелых боев. Перепаханные гусеницами траншеи, много разбитой техники, трупов. Да и наших незахороненных солдат хватало. В местах прорывов застыли подбитые и сгоревшие «тридцатьчетверки». Возле машин сустились ремонтники. Машут рукой:

– Сюда... к нам. Раненые здесь.

На раненых танкистов страшно смотреть. Особенно на обожженных. Ну, как ему помочь, если у него почти весь промасленный комбинезон сторел и влился в тело? Наступал шок от боли, другие, оставаясь в сознании, стонали. Вводим морфин, чем можем, помогаем. Но их в госпиталь надо, в специальное ожоговое отделение.

Некоторым и госпиталь не поможет, если половина кожи сгорела.

Конечно, и пехоте доставалось, но танкистам особенно. Лежат двое, все, что от экипажа осталось, смотрят на нас и не видят. Сильные контузии после удара снаряда. Многие с осколочными ранениями. Броня крошится, и кусочки металла вонзаются в тело. Кому десяток осколков, а кому и не сосчитать, сколько железа досталось.

Врачи часть осколков на месте вытаскивали. Перебинтуем раненого, как куклу, и тоже на попутку. Считалось, что мы продвигались в тылу, но во время наступления обстановка быстро менялась. Оставались островки немецкой обороны, целые воинские части в тылу оказывались.

Однажды попали под сильный артиллерийский обстрел. Только что тихо было, и вдруг взрывы. С нами пехота шла (видимо, второй эшелон), завязался бой. Снаряды вокруг взрываются, немцам наплевать на красные санитарные кресты. Неподалеку медсестру, как шапкой, взрывом накрыло, ничего не осталось. Взрывы то дальше, то ближе. У повозки задние колеса в разные стороны, лошадь остатки тащит, быстрее из-под огня. Хирург рукой показывает на кусты возле речки. Я туда побежала.

А что кусты? Это не защита. Осколки их, как траву, выкашивают. Спрыгнула под обрывчик, затаилась на корточках. Хоть и начало осени, а вода холодная. Наверное, родники поблизости. Холодная – не холодная, а жить хочется.

Просидела я в воде под обрывом часа два-три. От холода тело не сгибалось, а куда вылезать? Взрывы, пулеметные очереди. Кусок ивы вместе с огромной веткой метрах в пяти шлепнулся. Накрыл бы меня, расплющило, как букашку. Но пронесло. Стрельба понемногу стала стихать, я из воды кое-как вылезла. От холода с полчаса отходила. А ноги от того сидения в воде у меня и спустя шестьдесят с лишним лет ноют. Крепко застудилась.

Отлеживаться долго не пришлось. Раненые стонут. Санитарная сумка при мне была, мы их берегли, как солдаты свое оружие. Пошла, шатаюсь, раненым помощь оказывать. Остальные наши тоже разбрелись по полю. В воздухе гарью пахнет, грузовик неподалеку догорает. Оставилась у перевернутой пушки.

Несколько воронок вокруг, снаряды, гильзы разбросаны. Двое артиллеристов мертвые, один в стороне руку зажимает. Кое-как разжала, стала перевязывать, а паренек пальцем показывает:

– Там... вон там.

Из рыхлой земли ботинок торчит. Надо откапывать. Дернула слегка и на спину свалилась. В руке у меня кусок ноги до колена и облепленная бурой землей обмотка. На части кого-то из артиллеристов разорвало.

В июне 1944 года я была назначена медсестрой в санитарную роту 76-го стрелкового полка. В санроте имелся врач, два фельдшера, 2–3 медсестры, а обязанности санитаров исполняли легкораненые или выздоравливающие бойцы. Заодно я заведовала аптекой, так как неплохо разбиралась в фармакологии.

Впрочем, обязанности мы не делили. Все занимались ранеными и больными, а аптека размещалась на повозке. Медикаменты, по сравнению с современными, были самые простые. Об американском пенициллине мы и в сорок четвертом не слышали. Сульфидин, аспирин, физраствор, глюкоза. Для остановки сильного кровотечения использовали хлористый кальций.

Из обезболивающих имелись новокаин и морфин. Морфин считается наркотическим веществом, но мы слово «наркотики» тогда не знали. Вводили морфин раненым, страдавшим от сильной боли. Конечно, имелись какие-то ограничения, но такого, чтобы раненые привыкали к морфину и выпрашивали лишнюю инъекцию, не было. И вообще, бойцы наши очень терпеливые. Я в этом убедилась еще в Сталинграде.

Полк в начале сорок пятого года принимал участие в освобождении Варшавы. Снова раненые, операции. Я была назначена фельдшером, и 25 января мне присвоили воинское звание «младший лейтенант», а позже была награждена медалью «За освобождение Варшавы».

Варшава почти не осталась в памяти. Работали с ранеными, операции, снова помогала хирургам. Досталось нам позже, в боях за Познань, но я хочу немного отвлечься от войны. Я встретила своего будущего мужа. А получилось вот как.

Наши войска продолжали наступление. Зима, снежная каша, я выбилась из сил. Артиллеристы посадили меня на лафет орудия. Было холодно, приходилось крепко держаться, чтобы не свалиться под колеса, хотя очень клонило в сон. Мы же постоянно не высыпались.

Вдруг ко мне подошел капитан, командир второго батальона, Виктор Петрович Чернусов. Мы были немного знакомы, полк – не такая уж большая единица. Он вел на поводу коня светлой масти и сочувственно сказал:

– Вы же окоченели совсем, под колеса упадете. Пойдемте, я для вас место обогреться найду.

И посадил меня в карету, запряженную двумя лошадьми. Видимо, карету «реквизировали» в каком-то поместье. Тогда много трофейного транспорта было. Кареты, конечно, редко брали, не самый удобный транспорт, но я ничему не удивлялась. Так замерзла, и спать хотелось, что села в нее, накрылась одеялом и мгновенно заснула.

Проснувшись от того, что кто-то осторожно поцеловал меня в щеку. Я открыла глаза, рядом сидел Виктор. Я ведь раньше ни разу не целовалась, до того мне хорошо стало (Виктор мне нравился), что я почти по-детски попросила:

– Поцелуй еще.

Так мы познакомились. А я вспомнила давнюю историю. Когда училась в фельдшерском училище, гадали на Рождество, и девчонки мне нагадали. Вот если встретится тебе парень (или мужчина) на белом коне, он станет твоим мужем навсегда. Так оно и получилось. Но об этом позже.

Познань была городом-крепостью и находилась в 40 километрах от границы с Германией. Во второй половине февраля 1945 года здесь развернулись сильные уличные бои. Такие бои всегда связаны с крупными потерями. В Познани и другим работникам санитарной роты пришлось не раз оказывать помощь и выносить раненых с поля боя.

Оружия у меня не было, зато имелась санитарная сумка и довольно тяжелые брезентовые носилки. Конечно, нам помогали санитары, но их постоянно не хватало. Да и нас, сестер и фельдшеров, в таких боях на весь полк было явно мало.

Насмотрелась в этой Познани на погибших. Перебежками пробираюсь вдоль домов, а посреди улицы лежат неподвижно четверо наших бойцов. Открытых мест все избегали. Из подвальных дотов и окон домов велся сильный огонь. С минуту наблюдала, вслушивалась.

Бой шел метрах в трехстах впереди. Отсюда вроде немцев выбили. А вдруг засада или снайпер? Раздумывать некогда. Оставила носилки и побежала, пригнувшись. Трое – погибшие, четвертый весь в крови, ранения в грудь, ноги. Дотащила его до стены, перевязала, на перебитую ключицу поставила шину. Теперь срочно на сборный пункт. С помощью двух легко раненых кое-как донесли носилки до места.

Там скопилось не меньше двух десятков раненых. Несмотря на холод, я, вся мокрая от пота, с жадностью пью воду из фляги. Молоденький лейтенант с перебитой ногой тоскливо смотрит на меня. Его не так мучает боль (мы ввели обезболивающее), он переживает, что в свои девятнадцать-двадцать лет может остаться без ноги.

– Сестрица, неужели ногу отрежут? Как же я калекой жить буду?

Что я могу ему сказать? Все решат хирурги, неизвестно, какая у него рана, а попусту утешать парня не хочется. Другим не слаще, а кое-кто не дожил до санбата. Трупы, накрытые плащ-палатками, лежат в стороне.

Поднимаю своих помощников-санитаров. Не сказать, что они идут с охотой, но на войне делаешь, что тебе положено. Оба неплохие ребята, а я хоть и молодая девчонка, но младший лейтенант. Они стараются меня беречь. Один шагает с автоматом впереди, второй тащит на плече носилки, меня оттесняют назад.

Входим в зону огня. Пока это редкие шальные мины. Но, взрываясь на каменной мостовой, они разбрасывают осколки далеко в стороны. Там, где нет каменного или асфальтового покрытия, мины взрываются в земле, выкидывая фонтаны грязи, мокрой травы.

Три наших минометных расчета бьют из-за обломков стены. Торопливые хлопки и вой уходящих в сторону немцев мин. Двое бойцов в телогрейках подкатывают на тележке ящики с минами. Спрашиваю у командира взвода:

– Раненые есть?

В полку я уже более чем полгода, многих знаю в лицо. Младший лейтенант-минометчик вместо ответа показывает направление:

– Лиза, там сильно стреляют. И снайперов берегись.

Раненых во взводе нет. Но час назад разбило прямым попаданием миномет. Валяется скрученная труба, а у стены под брезентом, пропитанным кровью, лежат двое убитых. Вскоре дают о себе знать снайперы. Навстречу бежит боец, зажимая ладонью голову. Кровь течет между пальцев. Ни каски, ни шапки нет, волосы слиплись от крови. Увидев нас, кричит:

– Прямо в голову... убили!

У него, видимо, шок. Мы силком усаживаем солдата на асфальт у стены, разжимаем пальцы. Рана неглубокая. Пуля пробила каску и скользнула по черепу, вырвав клочок кожи. Считай, что повезло. Торопливо выстригаю волосы вокруг раны, обрабатываю спиртом, накладываю повязку, пропитанную мазью. Бинтовать неудобно, затягиваю узел у подбородка.

– Пуля в голове, да? – спрашивает боец, с трудом шевеля челюстью.

– Нет, прошла вскользь.

– Я жить буду?

– Конечно, будешь, – уверяем бойца.

А тот от шока еще не отошел, мало что понимает. Показываем направление:

– Шагай туда. Там сборный пункт.

Минуем поворот. Впереди идет бой. Улочки узкие, дома из красного кирпича. Стреляют сразу из нескольких окон, хлопают взрывы гранат. Бурая кирпичная пыль и пелена дыма. Наши наступают активно. Несколько немцев выскакивают из подъезда и, отстреливаясь, бегут вдоль стены.

Из дома напротив им вслед бьют из автоматов. Падает один, другой, остальные фрицы исчезают среди развалин. Забираем раненного в живот бойца и снова в обратный рейс. Хирург-капитан, он же командир нашей санроты, оперирует одного из раненых прямо на месте, в комнате дома.

– Елизавета, оставайся помогать мне!

Я отрицательно мотаю головой. Вчера у нас убили медсестру. Мы ходим в поисках раненых вместе с санитарями, потому что многим надо оказывать помощь на месте. Нередко санитары, когда идут одни, не в состоянии оказать необходимую помощь и приносят уже остывающие тела. В закоулках и подвалах большого города, где все смешалось и нет сплошной линии фронта, тяжелораненые лежат порой часами. Медсестры и фельдшеры ходят на передний край по очереди, одинаково рискуя. Я не хочу пользоваться своими офицерскими звездочками как привилегией, чтобы лишний раз остаться в тылу. Обещаю хирургу, что схожу в последний раз и останусь ему помогать.

Этот «последний раз» едва не оказывается для нашей группы последним в жизни. Перебегая дорогу, один из санитаров получил осколок в руку. Сняли шинель, разрезали гимнастерку. Из глубокой раны толчками выбивало кровь. Перетянула руку выше локтя жгутом, обработала рану и наложила тугую повязку.

– Дойдешь сам?

– Дойду...

А через десяток минут мы попадаем под пулеметную очередь. Улица вроде очищена от немцев, позади разворачивают орудия. И вдруг пулеметная очередь. Меня спас санитар. Успел толкнуть, мы оба упали, а я почувствовала, как что-то обожгло спину.

Над головой прошли еще две-три очереди, затем пулемет замолк, и мы отползли за развалины. Сняла шинель. Наверное, я была в шоке, как тот паренек, раненный в голову. Мне стало жаль новенькую шинель, выданную совсем недавно. Трассирующая пуля расплосовала ее, словно ножом, и обожгла спину.

Тут радоваться надо. Если бы санитар меня не толкнул, то я попала бы под пули. Шинель бы уже не понадобилась. Мы забрали очередного раненого и вернулись на сборный пункт. Увидев мою шинель, хирург категорически заявил:

– Все, хватит походов! Переодевайся, будешь мне помогать.

Вскоре подтянулся наш санбат, и я снова исполняла обязанности операционной сестры, сама проводила не слишком сложные операции. Запомнилось, что пришлось немало повозиться с бойцами, ранеными осколками снарядов и мин.

Конечно, и пулевые ранения часто бывали тяжелые, но осколки доставляли нам особенно много хлопот. Мины и снаряды, взрываясь среди камней, земли, причиняли глубокие инфицированные раны, заноса в тело грязь, микрочастицы всякой заразы, не говоря уже о клочках гимнастерок и белья, которые буквально вбивало в тело. Такие раны приходилось тщательно обрабатывать.

Да и сами осколки. Люди, которые не имели с ними дела, поражались, глядя на эти кусочки металла: изогнутые, рвущие тело, как разрывные пули, острые, словно бритва. А мелочь величиной с рисовое зернышко! Попробуй угадай и найди его, если даже входного отверстия практически не видно, а рентгена в санбате не было. И методы (кроме интуиции врачей) казались на первый взгляд чрезмерно жестокими.

Эти металлические зернышки искали с помощью тонких спиц. Как ни обезболивай, но если осколок вошел в мякоть ноги или руки сантиметров на 6–7, нужны очень чуткие пальцы и опыт, чтобы почувствовать металл. А если ошибешься и спица уткнулась в кость? Ведь не станешь же резать каждый раз. Проверяешь снова, чуть ли не по звуку. А кто тебе тишину создаст? Раненые стонут, на соседнем столе операция идет, хирург командует, звякают инструменты.

Еще раз хочу сказать, очень терпеливые наши солдаты. Ну, милый, давай еще раз проверим, прежде чем резать! Новокаин глубоко не достает, да и не всегда его хватает, а паренек смотрит расширенными зрачками на спицу. Больно. Очень больно. Но терпит. Никогда не думала, что зубы так скрипеть могут. Того и гляди, крошиться начнут.

Достали наконец эту крошечную железячку вместе с окровавленной ниткой от рубашки. Прочистили глубокую рану. А если осколков с десяток или больше угодило? Дадим отдохнуть, и снова на операционный стол.

В Познани ранили и моего Виктора. Осколок вскользь прошел под мышкой. Сама обрабатывала рану и перевязывала. На этот раз ему повезло, а ранее, в 1942 году под Сталинградом, тяжело ранили в голову. Черепную операцию делали, кусок кости удаляли. Выжил. Наверное, и ему на роду было написано – меня встретить.

Шли на Берлин. Впереди гремел бой, а мы занимались своим делом. В небольших фольварках и городках нам выделяли хорошие дома с большими окнами. Чисто, светло. И бойцы после операций на настоящих кроватях спят. Работы у нас не убавлялось. Бои шли жестокие. Оперировали раненых на окраине Берлина. В разрушенном городе гремело и ухало, стрельба не стихала и ночью. Потом наступила тишина. Гарнизон Берлина капитулировал. Пока был

приказ, дрались насмерть. Получили другой приказ – стали сдаваться. Дисциплинированный народ. На улицах жители появились.

В больших походных кухнях варили кашу с тушенкой. Кормили гражданское население. Никакого умиления я по этому поводу не испытывала, а немцы оставались для меня чем-то враждебным. Разве забудешь, как они Сталинград вместе с женщинами и детьми день и ночь бомбили? Никогда они к нам жалости не знали. Пришли, чтобы забрать нашу землю, а нас уничтожить или превратить в рабов.

Черт с ними! Вместе с Виктором мы отыскивали среди развалин Рейхстаг, и я расписалась на нем. А 9 мая была наша свадьба. Командир дивизии выдал нам с Виктором справку с печатью, что мы стали мужем и женой. В конце зимы родился наш первенец, сын Юра, а позже, в Союзе, второй сын – Володя.

После войны я работала в разных больницах. Выросли сыновья, появились внуки. В 2004 году похоронила своего любимого Витю, бывшего комбата, с которым прожили 59 лет. Ходила как потерянная. Ушла моя половинка. Остались дети, внуки, недавно родился правнук. Жизнь продолжается.

Полковник Туров – на фронте с сорок первого по сорок пятый

Я участвовал в боях на северных подступах к Сталинграду с 23 августа по 12 сентября. Таких ожесточенных боев мне видеть не приходилось. С рассвета и до вечера бомбежки, артобстрел, танковые атаки.

Жара, дым, грохот. Повсюду застыли сгоревшие немецкие танки. Не дали мы фрицам ворваться с ходу в Сталинград.

Туров В. С.

Сколько их осталось в живых, солдат и командиров, начавших свой боевой путь в первые месяцы войны? Статистика свидетельствует, что не больше 3–4 процентов. Один из них – полковник Туров Владимир Семенович (в 1941 году он был лейтенантом).

Крепкий, быстрый в движениях, несмотря на свои преклонные годы, Владимир Семенович помнит многие имена однополчан, города и села, где воевал.

Родился я 18 марта 1920 года в селе Большой Крупиц в Брянской области. Отец работал в колхозе, мать – домохозяйка. В семье было двенадцать детей, я девятый по счету. Земли в наших краях бедные, урожаи слабые.

Когда старший брат Василий служил в армии, нам в 1939 году как семье красноармейца предложили переселиться в Краснодарский край, на Кубань. В станице Савинской выделили глинобитный дом, приняли в коммуну имени 1-й Конной Армии.

Конечно, люди здесь жили богаче, сытнее, чем на Брянщине. Нашу большую семью неплохо поддерживали. Получали в день на всех 2–3 буханки пышного кубанского хлеба, молоко, еще какие-то продукты. Помню, что обедали в коммунарской столовой. Я так отродясь не ел: мясной борщ или суп с клецками, пшенная, перловая (реже гречневая) каша, овощи, фрукты.

Закончив восемь классов, поступил в горный техникум в городе Шахты. Отучился два года, чувствую – не мое это призвание. На третьем курсе подал заявление в военкомат и был зачислен в Буйнакское военно-пехотное училище.

Скажу, что в довоенных училищах за два года давали крепкую подготовку. В моей роте было три взвода по 33 человека. Гражданские привычки из нас вытряхивали быстро. Подъем в шесть часов утра (летом – в 5.30), зарядка, стрелковый тренаж 20 минут. С первых дней приучали к оружию, чтобы винтовками мы, как портные иглой, владели.

Затем завтракали и на шесть часов быстрым шагом или бегом уходили в горы. С полной экипировкой: винтовка, противогаз, подсумки, учебные гранаты, шинельная скатка. Там занимались тактической или огневой подготовкой. Тяжело приходилось, но привыкали быстро.

После обеда один час на сон – и начинались теоретические дисциплины: уставы, связь, химзащита и так далее. Много времени уделялось физподготовке, в том числе штыковому и рукопашному бою. Свободного времени полагалось перед сном всего 20 минут, так что загружены были до предела и засыпали мгновенно.

Кормили хорошо. На завтрак граммов 20 масла, селедка, сладкий чай. Обед тоже нормальный: щи, каша с куском мяса, компот. Ну, и ужин неплохой. Хлеба всегда хватало. Но все полученные калории уходили на подготовку. Были мы поджарые, быстро обрастали мускулами.

Часто проводились политинформации. Кто как, а я слушал с интересом о разных событиях в мире, особенно имеющих отношение к военной службе. Время было сложное: советско-финская война. Гитлер то одну, то другую страну захватывал. Замполит информацию свою

начинал со слов: «Война вот-вот начнется. Будьте к ней готовы». Так что ни о какой самоуспокоенности речи не шло.

Отдельно скажу про огневую подготовку, которая проводилась три раза в неделю. На стрельбище добирались только бегом – 8 километров туда, столько же – обратно. В месяц выпускали по мишеням примерно сотню патронов. Кроме винтовок, тщательно изучили и стреляли также из ручного пулемета Дегтярева. Сотня патронов – это нормальное количество для хорошей тренировки. Позже, на фронте, я встречал выпускников шестимесячных курсов – младших лейтенантов, которые за полгода всего раз десять-пятнадцать стреляли. Конечно, такая огневая подготовка почти ничего не давала.

Много занимались штыковым боем. Сильны были традиции русской армии. «Немец штыка боится» – я часто слышал эту поговорку. Занимались с азартом. Тренировались, разбившись на пары, постигая всякие хитрости, или кололи соломенные чучела. «Коротким коли! Длинным коли!» Только ключья от чучел летели.

Снайперское дело как-то широко не распространялось, но после финской войны, когда мы понесли немалые потери от «кукушек», начали изучать основы снайперской стрельбы. Желавшие, в том числе я, занимались дополнительно. Стреляли с расстояния 600–800 метров. Мне это пригодилось буквально в первые дни пребывания на фронте.

Кроме того, мы прошли ускоренную программу артиллерийской подготовки. А в конце второго курса на меня «повесили» отделение минометчиков из 5 человек. 50-миллиметровые легкие минометы били на восьмьсот метров небольшими минами размером с перезрелый огурец. С минометами тоже научился обращаться, там требовался точный расчет и, конечно, тренировки.

Подготовка в училище была разносторонней. Могу с уверенностью сказать, что как офицер войну встретил я с врагом на равных, а кое в чем немцев и превосходил. Навыки, полученные в училище, помогли мне выжить и пройти всю войну. Хотя имелись и недоработки, которые мы постигали уже в ходе боев на собственной шкуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.